

ГНЕННО - красные лучи света выхватывают из мрака фигуру девушки в огромной мохнатой папачке и гимнастерке. Почти беззвучно шепчет она: «ЛЕНИН — герой наш пролетарский», а разносятся ее слова гулко, слышатся со всех сторон, и звучит стих «красноармейки Марии Басовой» как высокая поэзия Революции. В спектакле Ленинградского театра имени Ленсовета «Сорок первый» Лариса Малеванная играет не просто солдата революции, а человека, духовно раскрепощенного Октябрем.

Я попросил Малеванную ответить на несколько вопросов.

— Как вы начинали?

— Все началось с обычных детских грез о театре. В Краснодаре, где я училась, почти все девочки мечтали стать знаменитыми актрисами. У меня оснований для этого было меньше, чем у подруг. Мне говорили: «Ты некрасивая, не умеешь петь и танцевать, а поэтому совсем на артистку не похожа». Тогда я решила стать капитаном дальнего плавания, но, окончив школу, поступила учиться на историко-филологический факультет Краснодарского педагогического института. Учиться было легко, и я больше бегала по драматическим кружкам и спортивным секциям, чем занималась учебниками.

— Как случилось, что вы остались институт?

— Я прочилась в нем три го-

КОГДА
Я ИГРАЮ —
Я
СЧАСТЛИВА

да — и все время чувствовала: каждый месяц отдаляет меня от затаенной мечты о театре. Кончилось все это нервной болезнью. Тогда я твердо поняла, что должна обязательно поступить в театральный институт.

— А поступили на режиссерский факультет...

— Я боялась, что из-за возраста на актерский меня не примут. К тому же режиссура должна была научить меня мыслить: инфантильной актрисой мне быть не хотелось.

В 1964 году мы, выпускники Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, уехали в Красноярск сразу театром. Нас поселили в рабочем общежитии. Круглыми сутками мы пропадали в театре, которому на три дня в неделю было предоставлено помещение Дома культуры на правом берегу Енисея. Перед началом спектаклей самим приходилось подметать сцену, расставлять декорации, дошивать и гладить платья. Сейчас, когда вспоминаешь, трудности той жизни уже не кажутся столь непреодолимыми, но тогда...

— С чего вы начали?

— С режиссуры. Моей дипломной работой был спектакль по пьесе А. А. Арбузова «Мой бедный Марат». В 1965 году он получил диплом фестиваля «Сибирская театральная весна».

— А что вы играли в Красноярском ТЮЗе?

— Много. Первой серьезной работой была роль Нади Резаевой в «Старшей сестре» А. Володина, затем — художницы Риты Вил-

гис в «Бригантине» В. Коростылева, в «Ревизоре» — Марьи Антоновны, в «Слуге двух господ» — Беатриче, в «Жаворонке» — Жанны...

— Какая из этих ролей ваша любимая?

— Наиболее дорогой и близкой мне героиней всегда была Жанна д'Арк в пьесе Ж. Ануйя «Жаворонок». Роль Жанны настолько многопланова, что каждый новый спектакль «Жаворонка» становился для меня открытием ее характера, сочетавшего в себе исключительность народной героини и обыденность простой крестьянской девушки.

Я вообще могу играть только то, что меня «греет», за что я отвечаю, и отстаиваю свою героиню вместе с автором пьесы. Если роль меня не трогает, я обычно проваливаюсь — красиво, так сказать, с треском.

— Такие случаи бывали?

— Да. Например, в поэтической драме М. Кулиша я неудачно сыграла роль Марины. Началась литература о спектакле 1931 года в Камерном театре, где Марину играла замечательная актриса Алиса Коонен, и делала вещи, мне не свойственные.

— О чем вы думали, когда играли Анну-Лизу в «Пассажирке»? (За исполнение этой роли Л. Малеванная стала лауреатом ленинградского конкурса-смотра «Лучшая роль года»).

— В «Пассажирке» я «придумала» характер Анны-Лизы. Вначале все говорили, что я должна играть узницу Маргу. Я стала много читать о Нюрнбергском

процессе. С книжных страниц на меня смотрели звериные лица надзирательниц концлагерей. Неожиданно мне на глаза попала фотография эсэсовки Марии Мандель — аккуратной немки с холодными, умными глазами, с легкой улыбкой на лице. Тогда я поняла, что нужно искать Анну-Лизу не в психической неполноценности, а в том, чем она меня похожа. Важно было понять механику превращения женщины на меня похожей — в непохожую. Я стала играть фашизм как идеологию в философском смысле слова. Фашизм, возникший не только в Германии, но и в Италии, Румынии, Японии. Фашизм, колыбелью которого были мещанство и обывательщина.

— Вы за «актерский» или за «режиссерский» театр?

— Я сторонница театра, где думать дозволено не только режиссеру, но и актеру, где в спектакль вкладываешь свою душу и кровь.

— Вам помогает то, что вы учились на режиссера?

— Мешает. На первых репетициях хочется каждому дать совет, как играть.

— А хочется вам поставить спектакль?

— Нет. Играть интереснее.

— Ваше представление о счастье?

— Когда я много играю, то чувствую себя самой счастливой актрисой в Советском Союзе!

Д. АСТАНОВСКИЙ.

НА СНИМКЕ: Лариса Малеванная.